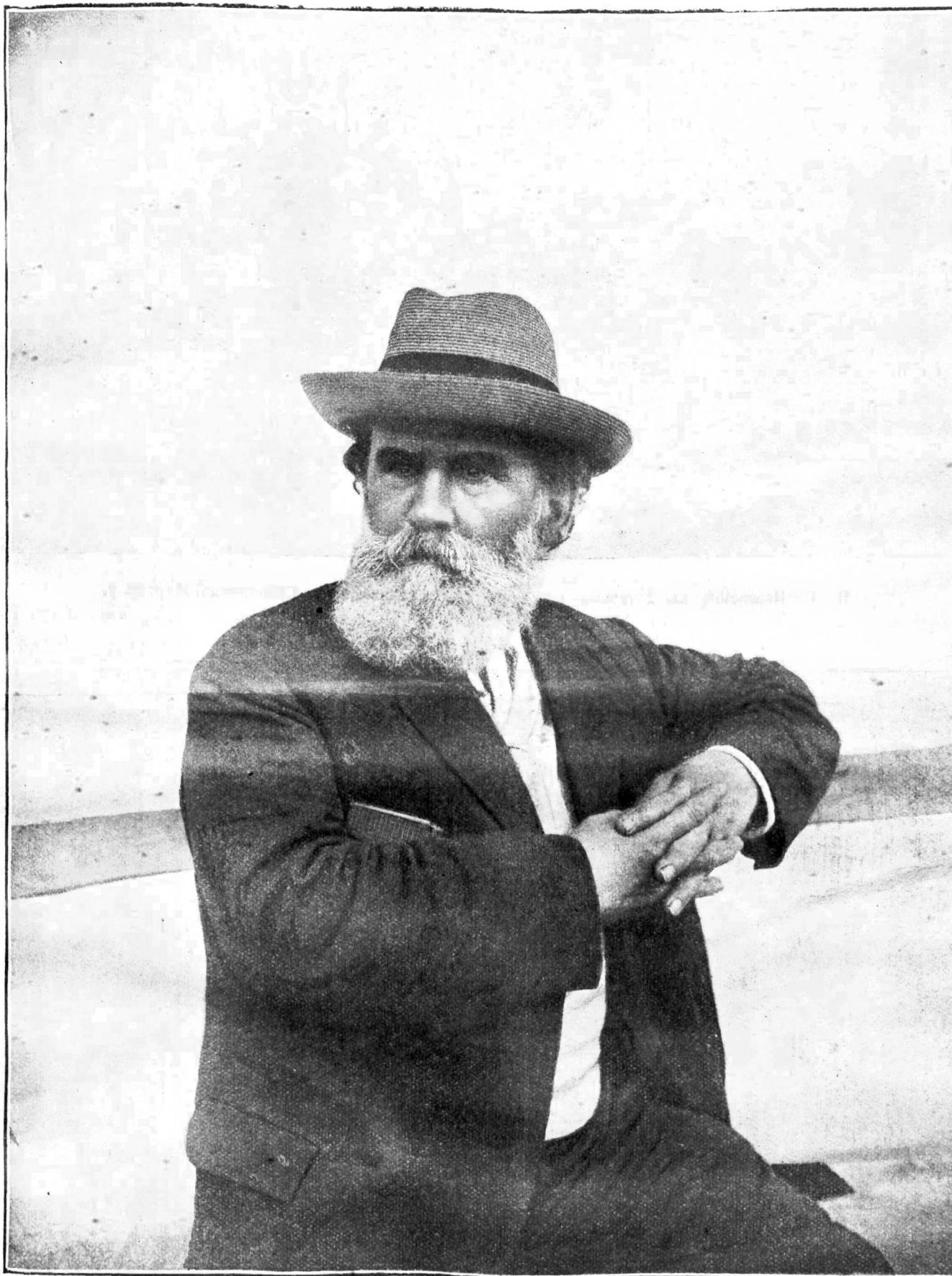
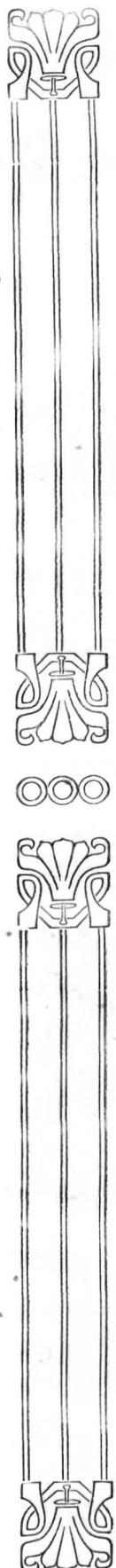

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 14-го Июля 1913 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11516

Владимир Галактионович Короленко.

(Последний портрет).

По поводу 60-летия со дня рождения.

Фот. Х. С. Гомельского.

Будущая музыка по Эдиссону.

Несмотря на то, что Эдиссонъ еще въ ранней молодости лишился слуха, онъ ревностно занимается въ настоящее время музыкою, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ занимался электричествомъ, и

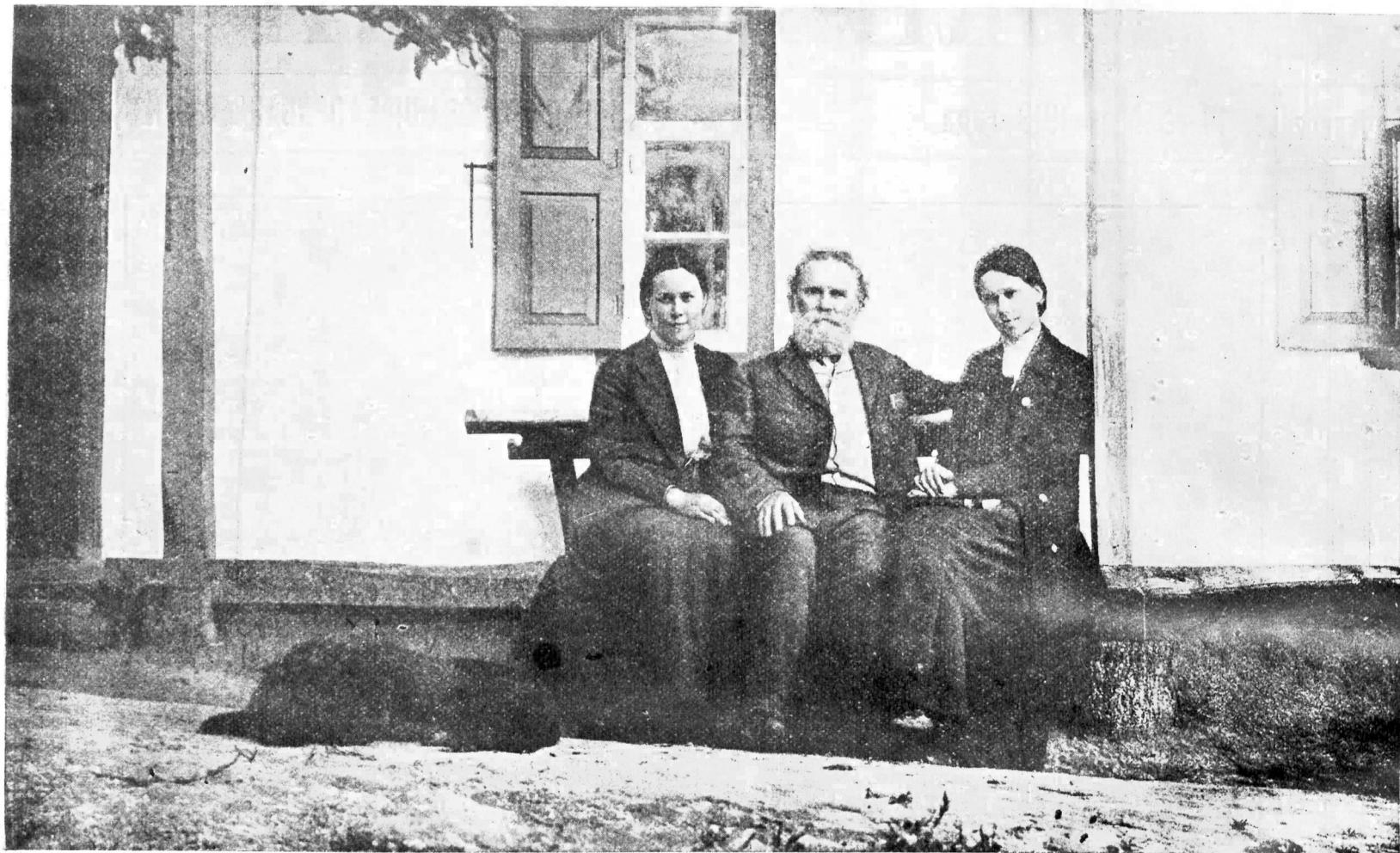
объщаетъ создать новую музыку, которую называетъ „музыкой будущаго“.

Объ этой будущей музыкѣ сообщаетъ нѣкоторыя подробности Алленъ Бенсонъ, одинъ изъ американскихъ биографовъ Эдиссона.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ Эдиссонъ зани-

мается музыкою, если онъ плохо слышитъ.

— Я слушаю зубами,— объясняетъ Эдиссонъ,— а также черезъ черепъ. Обычно я прислоняюсь головою къ фонографу, если же звуки слишкомъ слабы, я вонзаю зубы въ деревянный ящикъ и, такимъ образомъ, все ясно слышу.

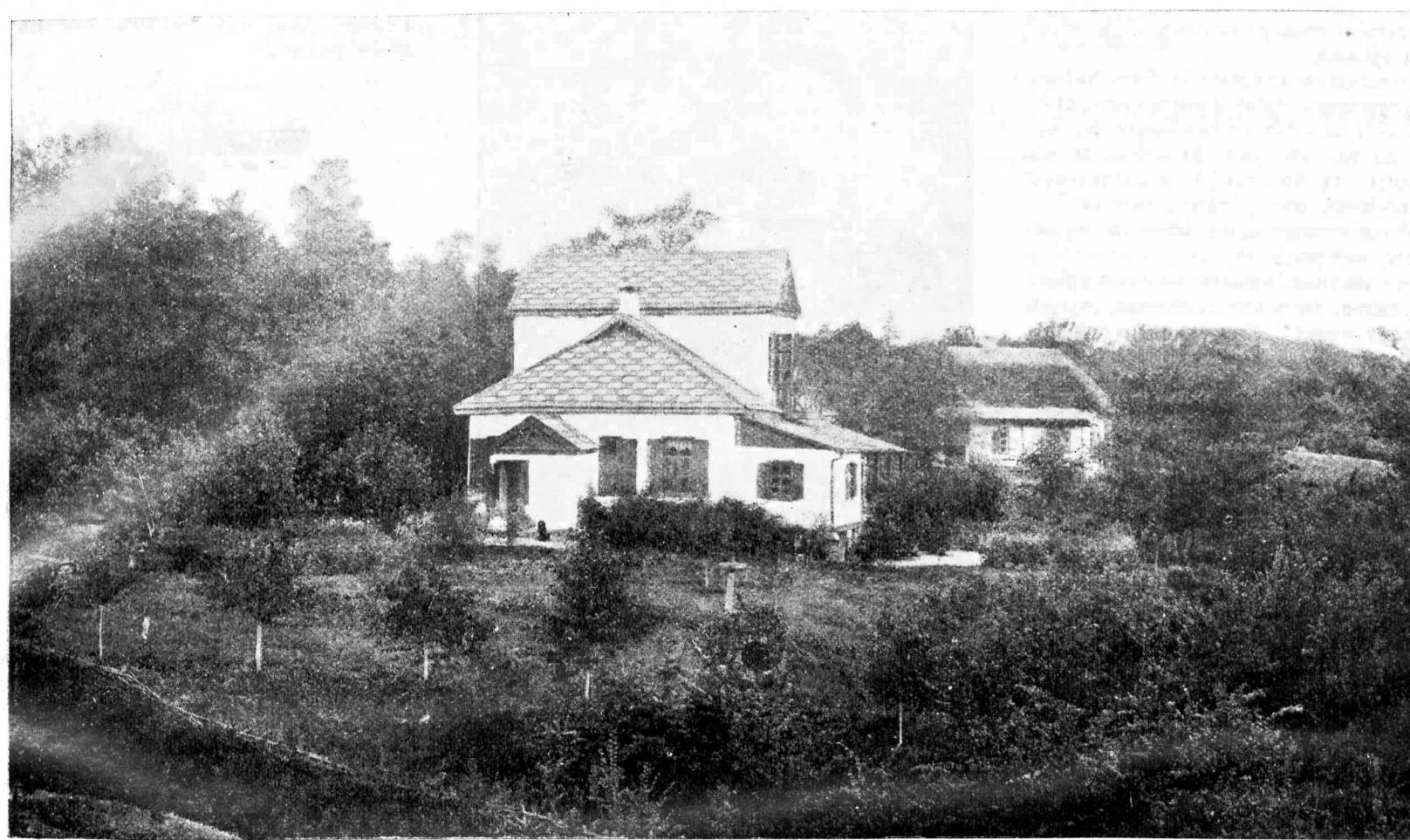
В. Г. Короленко съ дочерьми на дачѣ въ д. «Хатки», близъ Сорочинецъ, Миргор. у.

Фот. Х. С. Гомельского.

Рабочий кабинетъ В. Г. Короленко въ Полтавѣ.

Фот. Х. С. Гомельского.

Дача В. Г. Короленко въ д. «Хатки».

23-го июня скончался въ Финляндіи молодой талантливый художникъ, ученикъ Левитана, М. А. Демьяновъ, лишь въ 1910 г. окончивший Академію Художествъ и получивший заграничную компирировку. Онъ участвовалъ на выставкахъ за-границей, на весенней въ Академіи Художествъ и О—ка независимыхъ и вездѣ имѣлъ большой успѣхъ. Печатаемъ его картину «Старые голы», приобрѣтенную музеймъ Академіи Художествъ.

М. А. Демьяновъ.

«Старые годы».
Картина М. А. Демьянова.

Эдиссонъ вообще считаетъ ухо атта. раторъ далеко несовершеннымъ, совсѣмъ какъ Гельмгольцъ, который съ пренебрежениемъ отзывался о человѣческомъ глазѣ. По мнѣнью Эдиссона, несовершенство уха зависитъ отъ недостаточно

рационального расположения ушныхъ kostочекъ.

«При работе этихъ kostочекъ слиш комъ много теряется полусту энергіи. Отъ каждой слуховой волны, проникающей черезъ вѣщнее ухо, большая часть

пропадаетъ, не достигая внутренняго уха. Поэтому, никто, обладающій нормальнымъ слухомъ, не можетъ слышать такъ хорошо, какъ слышу я. Я слышу лучше, потому что не завишу ни отъ стремени, ни отъ наковальни, ни отъ молоточка.

Эти части удалены изъ моего уха, вслѣдствіе этого я слышу не ухомъ, а черепомъ и зубами.

Кто посѣщалъ когда-либо Эдиссона въ его мастерскихъ, тотъ знаетъ, что, дѣйствительно, онъ слышитъ прекрасно, несмотря на то, что уже въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фонографа не различаетъ даже звука. И, между тѣмъ, онъ все таки стремится создать въ области музыки нѣчто новое.

По его мнѣнію, музыка въ наше время то же самое, что электричество сорокъ лѣтъ тому назадъ. Инструментъ, съ помощью которого онъ хочетъ реформировать музыку, тотъ самый фонографъ, который въ настоящее время многіе считаютъ за инструментъ пытки.

— Люди съ нормальнымъ ухомъ,— говорить Эдиссонъ,— отзываются про иную музыку, что она звучитъ непріятно, но не могутъ разобрать, отчего именно это зависитъ.

Эдиссонъ же знаетъ. Когда теперь какой-нибудь мотивъ передается фонографомъ, то наряду съ мелодіей слышится еще около сорока процентовъ постороннихъ звуковъ, совершенно не принадлежащихъ къ музыке.

— Я создалъ,—рассказываетъ Эдиссонъ,—новый фонографъ, съ помощью которого звукъ передается съ идеальной чистотой, безъ всякихъ постороннихъ шороховъ.

Быть можетъ, эти слова Эдиссона примирять противниковъ фонографа.

Изобрѣтеніе еще только начато, но Эдиссонъ обѣщаетъ, не позже, какъ черезъ три года представить его миру въ совершенно готовомъ видѣ, и этотъ музыкальный инструментъ будетъ передавать цѣлую оперу, гораздо лучше, чѣмъ сами артисты. Эдиссонъ полагаетъ, что фонографическая передача будетъ пріятнѣе людямъ, чѣмъ если бы они слушали настоящихъ артистовъ. Зависитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что его новый фонографъ „слышитъ“ гораздо лучше, чѣмъ человѣческое ухо. Затруднѣнія этого изобрѣтенія состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что нынѣшняя музыка „не имѣетъ научной основы“, какъ пренебрежительно говорить Эдиссонъ. Въ настоящее время всѣ музыкальные обозначенія можно понимать лишь относительно. Такъ, напримѣръ, на партитурахъ пишется: „медленно“, „медленнѣе“, „очень медленно“, или „быстро“, „быстроѣ“, „очень быстро“. Но музыканту или артисту предоставляетъся полный просторъ, такъ какъ точной мѣры не существуетъ. Эдиссонъ хочетъ каждый музыкальный звукъ опредѣлить, какъ колебаніе известной матеріи, съ известными числами и силой колебаній и на этомъ строить свой музыкальный инструментъ будущаго.

Этотъ инструментъ будетъ улавливать

I. P. Табурно,
инженеръ и публицистъ, извѣстный дѣятель
славянскаго объединенія.
27 июня онъ выступилъ съ рѣчью въ петербургскомъ юрид. О—въ по поводу братоубийственной сербо-болгарской войны. Присутствовавши болгари прервали его рѣчу криками протеста. И. П. почувствовалъ себя дурно, и черезъ часъ скончался отъ разрыва сердца.

Начальникъ сыскного отдѣленія Сычевъ (справа) и его помощникъ Шандрукъ (слѣва).

По поводу ревизіи сыскного отдѣленія въ связи со взаимными обвиненіями Шандрука и Сычева въ преступлѣніяхъ по службѣ.

Необычайной величины градъ, выпавшій 30 июня близъ Славянска. На снимкѣ градъ изображенъ въ половину натуральной величины.

Снимокъ П. О. Козелкина.

звуки, недоступные человѣческому уху, и передавать ихъ затѣмъ людямъ въ ясной формѣ.

СМѢСЬ.

Новый взглядъ на тяготѣніе.

Законъ всемірного тяготѣнія, открытый Ньютономъ и положенный въ основаніе теоріи механики, представляетъ собой, въ сущности говоря, нераразрѣшимую загадку.

Мы сознаемъ тяжесть, но что такое тяжесть, мы не знаемъ.

Насъ учили, что законъ тяготѣнія по всемѣстно одинаковъ.

Между тѣмъ, наблюдая свѣтила, нельзя не признать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, кометы, совершаютъ не желаютъ съ ними считаться.

Профессоръ Жауманъ, ректоръ брюссельского политехникума, заявляетъ, что теорія Ньютона хороша только для тѣлъ, находящихся въ состояніи покоя.

По его взгляду, тяготѣніе дѣйствуетъ совершенно иначе на передней поверхности дѣйствующаго тѣла, чѣмъ на задней, гдѣ оно слабѣе.

Этимъ онъ объясняетъ устойчивость движенія нѣбесныхъ тѣлъ, которыя иначе легко соскочили бы съ своихъ орбитъ, какъ пѣтъ съ рельсовъ.

Въ связи съ закономъ тяготѣнія профессоръ ставитъ сжатіе нѣбесныхъ тѣлъ, которое производить теплоту.

Этимъ онъ объясняетъ неумалывающуюся теплоту солнца и сохраненіе теплоты въ планетахъ.

Свою гипотезу Жауманъ иллюстрируетъ цифрами.

Онъ утверждаетъ, что луна каждыи 100 лѣтъ ускоряетъ свой бѣгъ на 6 секундъ, что совершенно необъяснимо при теперешнемъ понятіи о законахъ тяготѣнія. Эксцентрицитетъ Меркурия никакъ не измѣняется въ противоположность всѣмъ теоретическимъ вычислениямъ.

Остается предположить только одно, говоритъ „Р. У.“, что въ наши понятия о законахъ всемірного тяготѣнія вкралялась ошибка, и что мы до сихъ поръ ничего положительного не знаемъ и утверждать не можемъ, такъ какъ дѣйствительность разрушаетъ всѣ наши самыя острумныя гипотезы.

Завѣса знанія приподнята, но не снята окончательно.

